

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ ПРАСКОВЬИ ПОТАПОВОЙ

СПЕКТАКЛИ можно смотреть по-разному: одни — отдаваясь нахлынувшему приливу чувств, другие — с раздумьем над умными мыслями и парадоксами автора, третьи — остро воспринимая публицистическую злободневность произведения. Наконец, есть спектакли, где сразу оказываешься вовлеченным в атмосферу веселья, задора, озорной выдумки. И случится беда, если, желая увидеть психологическую драму, зритель попадет на комедию, а затем станет судить об увиденном с позиций своего сумрачного настроения.

Поэтому хочется договориться сразу: «Старая дева» И. Штока в Московском театре сатиры в постановке А. Шатрина — это комедия, шутка, даже чуть-чуть сказка. Не будем искать здесь реальных жизненных обстоятельств, драматических конфликтов, глобокомысленных размышлений — их нет ни в пьесе, ни в спектакле. И не надо удивляться оформлению художника М. Курилко — по-детски нарисованным домикам, огромным, висящим в воздухе среди алых стягов часам Спасской башни. Не надо удивляться, когда скромная, немолодая домохозяйка Прасковья Потапова вдруг оказывается на приеме в Кремле в честь Дня Победы и лихо отплясывает модный танец. Или когда кукла неожиданно начинает разговаривать, комментировать события.

Это может показаться нарочитым, придуманным. И, скажем прямо, говорящая кукла мне вовсе не понравилась. Но жанр есть жанр. Вы смотрите комедийное представление, отнюдь не сатирическое (сатира — редкий, беспокойный гость даже в этом театре), где шутят, смеются, разыгрывают друг друга очень хорошие, добрые люди.

Давайте присмотримся к ним поближе. Прежде всего к Прасковье Потаповой — Т. Пельтцер — актрисе удивительного, редкого обаяния, к сожалению, давно не выступавшей в значительных

«Старая дева» И. Штока в Московском театре сатиры

ролях. А здесь роль, да еще какая!

Сколько таких маленьких, незаметных людей вокруг! В свое время война отняла у нее самых близких, вот и посвятила она жизнь детям погибшего брата, а потом и внуку.

Вы думаете, это озлобленная, обойденная жизнью старая дева? Ничего подобного.

Прасковья — Пельтцер — фантазерка, выдумщица, бурлит в ней неиссякаемая энергия, желание кому-то помочь, над кем-то позаба-

дом, кто годами не замечал бескорыстного подвига ее жизни. Симочка благодарно восклицает: «Я перед ней виновата. Она меня воспитала. Она, в общем, воспитала всех нас... Ради нас она стала ни учительницей, ни врачом, ни ученым». Так из смешных, в чем-то нелепых положений вырастает большой человеческий характер — своеобразный, трогательный.

И это не только одна Прасковья. Капитан Лихорев — Е. Кузнецов вначале несколько иронически старается продолжать начатый Прасковьей розыгрыш. А потом растрогавшись, стал говорить о своем. И снова затих зал, приглушен свет. Перед глазами — судьба человеческая.

А глядя на Ангелейко — Н. Каратаеву, нельзя удержаться от улыбки: она так и пышет здоровьем, энергией, жизнерадостностью. Сразу видно: женщина с характером. И ни к чему ей выстреливать слова, словно пулеметную очередь: здесь актриса то ли перемудрила, то ли хотела отдать дань комедийному жанру. Так же, как старый сосед Чурин — Б. Новиков, все хочет подчеркнуть, сыграть, вызвать смех, а это, как известно, может вызвать обратную реакцию.

О Симочке — Л. Шараповой и ее брате Виталике — Е. Супоневе сказать нечего, обделил их автор, не дал развернуться образам, что, надо признаться, часто бывает в современных пьесах. Может, от сознания неполноценности своей роли и Н. Архиповой — Елене — так не хочется выходить на сцену. Почему в славной, дружной семье она — мать, ученый, всемирно известная общественная деятельница — вдруг предстает мелочной, озлобленной, противной? Зачем так? Не надо! Ведь самый проходной персонаж можно вылепить любовно, точно, найти к нему свой актерский ход.

Что же в итоге? Пьеса не заставит задуматься о многом. Но замечательное праздничное представление понравится.

Н. ПУТИНЦЕВ.

Т. ПЕЛЬТЦЕР в роли Прасковьи Потаповой.
Фото А. Гладштейна.

ваться. Совершенно невозможно представить, что она скажет или сделает через минуту: даст подзатыльник, а может, станцует.

Иногда стихия выдумки, озорства буквально захлестывает актрису: встречая у себя дома Лихоярова, Прасковья наплевает на голову одеяло — это смешно, но не вызывается драматургической необходимостью, а потому у зрителей возникает ощущение неловкости, недоумения.

Но наступают минуты, когда Прасковья — Пельтцер говорит серьезно, от всей души, со слезами на глазах.

Так в спектакль врывается лирическая струя. Мы смотрим на Прасковью — Пельтцер совсем иными глазами, дивимся щедрости и теплоте ее сердца. Это начинают понимать и те, кто с ней ря-

Московская правда, 1966, 18 окт.